

Litera

Правильная ссылка на статью:

Силинская Н.П. Проблема передачи этнокультурной идентичности при переводе постколониального романа (на материале оригинального и переводного текста романа А. Вергезе «Рассечение Стоуна») // Litera. 2025. № 12. С. 183-202. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.12.77092 EDN: PLOTGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77092

Проблема передачи этнокультурной идентичности при переводе постколониального романа (на материале оригинального и переводного текста романа А. Вергезе «Рассечение Стоуна»)

Силинская Наталия Павловна

ORCID: 0000-0002-7075-4460

кандидат филологических наук

старший преподаватель; кафедра английской филологии и перевода; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 11, офис 187

✉ silinskaya.natasha@gmail.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.12.77092

EDN:

PLOTGW

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2025

Дата публикации:

05-01-2026

Аннотация: В статье рассматривается специфика выражения этнокультурной идентичности в художественном пространстве постколониального романа в аспекте художественного перевода. Цель исследования – выявить и систематизировать переводческие трудности, связанные с передачей средств репрезентации этнокультурной идентичности. Исследование проведено на материале романа А. Вергезе «Рассечение Стоуна» и его русскоязычного перевода, выполненного С. Соколовым. Объектом исследования выступают языковые и стилистические средства выражения

этнокультурной идентичности в оригинальном тексте романа, предметом исследования являются стратегии и способы передачи данных средств на русский язык. В статье обосновывается тезис о том, что учет жанрово-стилистических особенностей постколониальной литературы является необходимым условием для определения переводческих стратегий и достижения адекватности перевода подобного текста. В работе используется комплексный подход, сочетающий методы семантического, контекстуального, сопоставительно-стилистического и переводческого анализа. На основе анализа переводческих решений делается вывод о том, что особую трудность для переводчика вызывают те фрагменты текста, которые призваны обозначить культурную и языковую полифонию, гибридность, базовые оппозиции, которые лежат в основе идентичности персонажей и структурируют концептуальное пространство текста. Подчеркивается, что иноязычные включения, эрративы, графоны и иные отклонения от языковой нормы служат в тексте проявлением языковой и культурной гибридности, а также средством самоидентификации персонажей. Реалии не только воплощают культурную память народа, но и нередко приобретают метафорическое и символическое значение, акцентируя внимание на ключевом сюжетном конфликте, а также служат маркерами индивидуальной и коллективной идентичности. Новизна исследования заключается в попытке выработать рекомендации для более адекватного и достоверного воссоздания эффекта языковой и культурной гибридности и внутреннего конфликта идентичности на языке перевода. Установлено, что при выборе стратегии перевода культурно маркированных языковых единиц в постколониальном романе необходимо учитывать его жанровую специфику, идейное содержание и макроконтекст.

Ключевые слова:

художественный перевод, постколониальная теория, постколониальный роман, этнокультурная идентичность, культурно-специфичные единицы, языковая гибридность, переводческие стратегии, адекватность перевода, реалии, эрративы

Введение

Этнокультурная идентичность выступает одним из центральных концептов в дискурсе постколониального романа. В рамках данного литературного направления языковые единицы, наделенные культурно-специфическим компонентом значения, не ограничиваются функцией создания местного колорита, но зачастую маркируют ключевой сюжетный конфликт. В свою очередь гибридизация языка, проявляющаяся в языковой игре и намеренных отклонениях от лингвистической и речевой нормы, становится инструментом культурного самоутверждения и формой сопротивления доминирующим нормам культуры метрополии.

Проблема передачи средств репрезентации культурной идентичности в постколониальной литературе мало изучена и требует более глубокого осмысления. В частности, при переводе постколониального текста традиционные стратегии перевода культурно маркированных языковых средств — форенизация и доместикация — демонстрируют свою ограниченность. Так, механический перенос реалий из исходного текста в переводной без учета макроконтекста, жанровой специфики и идейного содержания произведения создает опасность утраты его поэтики и идеологии, его трансформации в своего рода экзотический роман, продукт массовой литературы. С другой стороны, стилистическая нейтрализация и чрезмерное приближение к культурно-литературным нормам языка перевода оборачиваются практикой культурной ассимиляции,

навязыванием чужой культуре знакомой системы координат.

Таким образом, адекватный перевод постколониального романа требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубоких фоновых знаний. Необходимо понимание исторических, политических и социальных условий порождения текста, особенностей его эстетической системы, которая может противоречить традиционным жанрово-стилистическим канонам, а также четкое представление о бинарных оппозициях, структурирующих концептуальное пространство произведения (таких как «свой – чужой», «колония – метрополия», «центр – периферия», «родной язык – язык метрополии»).

В связи с этим перед переводчиком стоит комплексная задача, включающая реконструкцию концептуального пространства оригинала, достоверную передачу «голосов» иной культуры, отображение её «инаковости» и воссоздание эффекта гибридности на языке перевода. Именно поэтому исследование жанрово-стилистического своеобразия постколониального романа и выработка адекватных стратегий его перевода представляются особенно актуальными для современной теории и практики перевода.

Методологические основы исследования

Целью исследования является выявление и систематизация проблем, связанных с передачей средств репрезентации этнокультурной идентичности в русскоязычном переводе романа А. Вергезе «Рассечение Стоуна».

Для достижения данной цели в работе решается ряд задач: рассматривается концепция идентичности в рамках постколониальной теории, выявляются специфические черты постколониальной литературы, релевантные для предпереводческого анализа текста и определения необходимых переводческих стратегий, устанавливаются подходы к передаче культурного компонента содержания текста в современной теории перевода.

Методологическую основу составляет комплексный анализ, включающий семантический, контекстуальный, сопоставительно-стилистический и собственно переводческий методы. В рамках исследования эти методы применяются для решения следующих задач: выявление языковых и стилистических средств выражения этнокультурной идентичности в тексте оригинала, оценка адекватности их передачи в тексте перевода.

На основе проведенного сопоставительного анализа предлагаются рекомендации, направленные на преодоление выявленных переводческих трудностей при работе с текстами постколониальной литературы.

Основные положения и результаты исследования

В эпоху глобализации, массовой миграции, кризисов идентичности и культурных конфликтов понятие этнокультурной идентичности приобретает особую актуальность, в том числе для межкультурной коммуникации, к которой относят и перевод. Этнокультурная идентичность является одним из центральных понятий постколониальных исследований, отдельной междисциплинарной области гуманитарного знания, которая сосредоточена в первую очередь на осмыслении культурного и идеологического наследия колониальных империй.

Среди наиболее значимых представителей данного подхода можно выделить Х. К. Бхабху, который рассматривает культурную идентичность в сфере понятий *гибридности* как столкновения и смешения колонизирующей и колонизируемой культур, «третьего

пространства», своего рода промежуточной зоны, в которой вырабатываются культурные смыслы, *амбивалентности* колониального дискурса, а также противопоставляет понятия *разнообразия* как мирного сосуществования культур и *различия* как противоборства культурных норм [1]. Помимо данных понятий, релевантным для настоящего исследования является введенное Х. К. Бхабхой понятие *мимикрии*, которая понимается как подражание человека, принадлежащего колонизируемой культуре, культурным нормам доминирующей культуры, перенимание ее ценностей, вкусов, морали и языка.

Среди других авторов, чьи работы легли в основу постколониальной теории, также следует назвать С. Холла и П. Гилроя. Главный вклад С. Холла заключается в переосмыслении самого понятия идентичности. Он рассматривает идентичность не только как некую стабильную данность, но также и как непрерывный процесс становления и определения субъектом самого себя через положение относительно других. Также С. Холл обращает внимание на роль медиа и культурных текстов, в которых кодируются доминирующие идеологии, а качество и количество репрезентации отдельных социальных групп в СМИ и в искусстве определяется политической борьбой за власть в постколониальном мире [2]. П. Гилрой применил этот новый подход к исследованию культурного и исторического концепта «Черной Атлантики» как единого трансатлантического культурного образования, пространства культурного слияния, но также и сопротивления. В своей работе автор деконструирует расовое мышление и постимперское сознание, характерное для западной культуры модерна, на примере современной Британии, которая, по его мнению, не может полностью признать преступления, связанные трансатлантической работорговлей, и ностальгирует о былом имперском величии [3].

Э. Саид рассматривает в своей работе понятие *ориентализма* как инструмента власти и контроля, с помощью которого западная культура подавляет Восток, позиционируя себя как оплот прогрессивности, рациональности, демократичности и современности и утверждает свое превосходство над ним как иррациональным, экзотичным, деспотичным, фанатичным, загадочным и порочным началом. Данная оппозиция «свой – чужой» служит для самоидентификации Запада, господство которого после политической деколонизации и предоставления независимости бывшим колониям в современных реалиях реализуется в виде культурной гегемонии [4].

В своей диссертации на тему «"Постколониальные исследования" как историко-культурный феномен второй половины XX в.» (2012) Е. Ю. Чемякин выделяет такие проблемные области постколониальных исследований, как нация и национализм, ориентализм, само-репрезентация, поиск культурной идентичности, мультикультурная личность, проблема отношения к прошлому и становление мультикультурного общества, которое формируется в западноевропейских странах во второй половине XX в.

Осмысление проблем постколониальной эпохи находит отражение не только в научных работах, но и в художественной литературе, и зачастую она, в свою очередь, а становится объектом постколониальных исследований. Следует пояснить, что постколониальная литература понимается как литература, созданная на языке бывших колонизаторов авторами из бывших колоний: Индии, Бангладеш, Малайзии, Австралии, Новой Зеландии, Сингапура, Шри-Ланки, Пакистана, стран Африки, Карибского бассейна и ряда других государств. К ней прежде всего относят произведения, созданные на английском языке (здесь следует оговориться, что национальные литературы Америки и Канады, как правило, к ней не относят), но также существует и постколониальная литература на французском, испанском, португальском и других языках.

Примерами постколониального романа могут служить произведения Салмана Рушди, который особое внимание уделяет проблеме смешанной идентичности и пересечения разных культурных кодов, британского писателя индийского происхождения Хари Кунзру, американской писательницы китайского происхождения Ребекки Куанг, англо-пакистанского писателя Ханифа Курейши, индийской писательницы Арундати Рой, американской писательницы китайского происхождения Эми Тан, американского писателя индийского происхождения Абрахама Вергезе и многих других авторов.

Интерес к исследованиям постколониальной литературы в научном сообществе довольно велик. Такие авторы, как Б. Эшкрофт, Г. Гриффитс и Х. Тиффин в работе «Империя пишет ответ: теория и практика в постколониальных литературах» ввели термин *постколониальная литература* и обозначили характерные для нее общие проблемы и стратегии, такие как диалог с каноничными текстами европейской метрополии, отказ от языковых и литературных норм английского языка и одновременное «присвоение» его для выражения собственной культурной идентичности, описали появление гибридных языков, где большое значение придается воссозданию в письменном тексте устной традиции, и трансформацию канонических жанров западноевропейской литературы, которые наполняются местным содержанием и отражают иные модели времени, пространства и идентичности [\[5\]](#).

Среди отечественных авторов, которые внести большой вклад в развитие данного направления исследований, следует в первую очередь назвать О. Г. Сидорову, С. П. Толкачеву, М. В. Тлостанову.

В диссертационном исследовании «Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании» (2005) О. Г. Сидорова дает комплексный анализ творчества писателей-мигрантов из бывших британских колоний и убедительно показывает, какое глубокое влияние оно оказало на литературный процесс в Британии и на саму суть и канон британской литературы во второй половине XX века. Постколониальные романы перестали быть маргинальными, языковая, жанровая и культурно-историческая гибридность становится в них ведущим принципом создания текста, что в итоге деконструирует миф о «белой» гомогенной островной британской идентичности.

Схожие проблемы поднимает С. П. Толкачев в своем диссертационном исследовании «Мультикультурный контекст современного английского романа» (2003). Автор сосредотачивает внимание на трансформации английской литературной традиции и исследует поэтику мультикультурного романа, выделяя такие характерные его черты, как интертекстуальность, полифоничность нарратива, гибридизация жанровых форм и двуязычность.

М. В. Тлостанова рассматривает мультикультурализм как системообразующий принцип американской литературы, повлиявший на структуру, язык и жанры американского романа, а также подчеркивает роль литературы в осмыслении и конструировании новых форм идентичности. Также автор описывает концепцию культурного пограничья, которая порождает языковое смешение, жанровый синкретизм, нелинейность времени и памяти в литературном тексте [\[6\]](#).

Н. Ф. Щербак описывает тенденции развития и новые направления постколониальной литературы, которые включают постмодернистскую и метамодернистскую литературу, формирование литературы коренных жителей колоний, а также отдельно обращает внимание на феминистское направление в постколониальной литературе [\[7\]](#).

С. Д. Камалова фокусируется на понятии «постколониального ответа» и изучает, как происходит смещение смысловых акцентов и коннотаций в постколониальной литературе в случае, когда второстепенные герои известных произведений колониального дискурса превращаются в протагонистов современных постколониальных романов. В фокусе ее внимания оказываются языковые средства создания художественных образов таких персонажей и выстраивания оппозиции «колония – метрополия» [\[8\]](#).

Обобщая взгляды исследователей на особенности постколониальной литературы, можно заключить, что в фокусе ее внимания оказывается психология колонизаторов и колонизированных народов, место действия сдвигается на «пограничную территорию» между Востоком и Западом, героями становятся иммигранты, беженцы, представители маргинальных культурных групп, в ней затрагиваются темы рабства, террора, разрушения социальной иерархии и системы ценностей, изгнания, преследования, «внедомности» и потери своей культурной идентичности [\[9\]](#). В постколониальном художественном дискурсе осмысляются проблемы культурной памяти и исторической травмы, культурной ассимиляции и мимикрии, «расщепленного» или двойственного сознания героя [\[10\]](#), которое основано на неустойчивой, «принципиально незавершаемой и часто негативной самоидентификации» [\[11\]](#), связанной с тем, что герой оказывается между двух разных культурных пространств, осмысляет индивидуальный психологический опыт поиска себя и своего места в мире.

Среди главных характеристик концепции культурной идентичности в постколониальной литературе Е. Ю. Чемякин называет процессуальность, которая символично может быть выражена в метафоре «вечного мигранта», перемещающегося с места на место; гибридность, которая проявляется в сочетании и перемешивании элементов разных культур, а также во фрагментарности самого понятия личности; активную роль субъекта и творческий характер формирования им своего «я» за счет нового опыта в промежуточном культурном пространстве и нового взгляда на свое будущее, настоящее и прошлое; колебания между индивидуальным и коллективным опытом, необходимость постоянного выбора между принятием себя и мимикрией – попыткой слиться с чужой культурой, следуя ее культурным нормам [\[12\]](#).

Помимо литературоведения, проблема идентичности актуальна и для современного переводоведения [\[13\]](#), [\[14\]](#). Предпосылками для обсуждения данной проблемы послужили, в первую очередь, работы С. Басснетт и А. Лефевра, с именами которых связывают выход переводоведения за рамки традиционного лингвистического подхода, так называемый «культурный поворот», суть которого заключается в том, что сама культура стала операциональной единицей перевода, а объектом исследования стал текст, находящийся в сложной системе отношений между исходными и переводящими культурными знаками [\[15\]](#). А. Лефевр рассматривает перевод как форму пересоздания – проецирования образа автора и его произведений в иную культурную среду и выход за пределы исходной, породившей их культуры [\[16\]](#).

Также проблема связи между переводом и культурой освещалась в работах Г. Тури, который настаивал, что анализ перевода не имеет смысла без обращения к культурному контексту и общей литературной традиции [\[17\]](#), и И. Эвен-Зохара, который также рассматривал взаимосвязь между переводом и культурной традицией [\[18\]](#).

Л. Венути ставит в своих работах проблему этичности перевода и неравноправия доминантной и подчиненной или маргинальной культурно-языковой традиции, что в

некоторых условиях приводит к принудительной и насильственной замене культурного своеобразия оригинала, если он переводится на язык доминирующей культуры [19]. В таком случае, как показывает автор, перевод совершенно не способствует межкультурной коммуникации. Некоторые другие авторы также развивают представление о переводе как акте колониального присвоения, инструменте политической борьбы, опираясь на работы теоретиков постколониальной теории.

Э. Гентцлер в своей работе, которая посвящена проблемам перевода и идентичности в Америках, отказывается от традиционной оппозиции верного и неверного перевода и рассматривает перевод как ключевой механизм формирования культурной латиноамериканской идентичности. В зоне контакта западноевропейской культуры и местных индейских культур, в ходе столкновения письменной элитарной культуры и устной народной традиции происходит рождение ранее не существовавшей культурной формы, новой идентичности. Это становление связывается с понятиями гибридности, перевода как активного творческого неповиновения и отказе от традиционной модели подчинения перевода оригиналу, на смену которой приходит модель перевода как равноправного диалога культур [20].

Очевидно, что вышеперечисленные проблемы, которые ставятся в рамках культурологического подхода в теории перевода, весьма созвучны проблематике постколониальных исследований.

Далее перейдем к рассмотрению проблемы передачи этнокультурной идентичности в художественном переводе и рассмотрим, как переводческие решения влияют на адекватную или неадекватную ее передачу.

Настоящее исследование выполнено на материале романа Абрахама Вергезе «Рассечение Стоуна» (Verghese, A. Cutting for stone. 2009) [21] и его перевода на русский язык, выполненного С. Соколовым [22]. Автор романа, писатель и врач индийского происхождения, родился и прожил часть жизни в Эфиопии, затем эмигрировал в Америку. Доктор медицины и профессор Стэнфордского университета, Вергезе опубликовал два романа и две книги в жанре мемуаров, однако, именно «Рассечение Стоуна» — его самый известный роман, ставший международным бестселлером. Вергезе пишет на английском языке и принадлежит к тем писателям-иммигрантам, которые одновременно являются частью западной литературы, и находятся под влиянием культурной и литературной традиции своей родной страны, и в то же время по-настоящему не принадлежат в полной мере ни к одной из них. Проблема культурной и этнической идентичности стоит в его произведениях особенно остро. Для прозы Вергезе как представителя постколониальной литературы характерен особый взгляд иммигранта, в ней отражаются противоборствующие стремления сохранить и сберечь культуру своей родной страны и в то же время влиться в культуру своей новой страны, что порождает конфликт ценностей и культурных кодов, ощущение чуждости и неприкаянности, непрерывного и безуспешного поиска своего места в мире.

Всё это накладывает особый отпечаток на роман Вергезе: и на его тематику, мотивы и символы, и на композиционные ходы, и на стилистику и повествовательную манеру. И темпо-ритмическая организация текста, и сюжетная структура романа, и описания бытовых сцен и врачебной практики являют собой нечто яркое, буйное, чрезмерное, непривычное, перегружающее воображение читателя, как голливудский фильм. Персонажи романа живут в мире, где на каждом шагу встречаются поразительные контрасты жертвенности и эгоизма, самозабвенной любви и ревности, многовековой

культуры и воинствующего невежества и варварства, пренебрежения к человеческой жизни.

Поиск себя, в том числе своей этнокультурной идентичности – одна из центральных проблем романа «Рассечение Стоуна». Главные персонажи романа – врачи миссионерской больницы Аддис-Абебы, которые, с одной стороны, восхищаются научными достижениями американской и европейской медицины и в определенном смысле чувствуют себя на окраине цивилизации, с другой стороны, смущены собственным преклонением перед западной культурой.

Роман представляет собой семейную сагу, в которой медицина и сложная семейная история связывает судьбы сразу нескольких персонажей. Главные герои романа – рассказчик Марион и его брат-близнец Шива, рождаются в Эфиопии, их отец – британский хирург, мать – монахиня-кармелитка индийского происхождения, которая умирает при родах. Марион и Шива – сиамские близнецы, которых разделили сразу после рождения, но всю свою жизнь они сохраняют между собой загадочную метафизическую связь. Воспитываются братья при госпитале христианской миссии, их приемными родителями становятся врачи-индийцы, которые принадлежат к разным кастам и в иных обстоятельствах никогда не смогли бы создать семью. Марион начинает рассказывать историю своей жизни с обстоятельств своего рождения, которое сопровождается трагической смертью матери, бегством отца, и обретением брата. В этом рассказе случайные, казалось бы, детали приобретают особенный смысл и символический характер, и рассказ не столько передает, сколько заново создает прошлое, что неизбежно отражается и на настоящем, и на будущем. Сфокусированность на личной истории, отчаянное желание обрести себя передается через обилие деталей, чрезвычайно подробные ретроспекции, многочисленные описания мест и персонажей, экскурсы в историю и культуру сразу нескольких стран.

Конфликт культурных кодов и обозначение проблемы идентичности неизбежно ставят перед переводчиком задачу обращать особое внимание на адекватную передачу культурной информации в тексте и выстраивать глубоко продуманную и внутренне непротиворечивую переводческую стратегию, определяющую приемы перевода языковых средств выражения этнокультурной идентичности и конфликтов: коммуникативных неудач, вызванных языковыми и культурными барьерами, многочисленных реалий, графонов, иноязычных включений, интертекстуальных вкраплений и т.д.

Согласно установкам культурологического подхода к переводу, роль переводчика в данном случае состоит не в том, чтобы преодолеть культурные различия, постаравшись их скрыть, нейтрализовать и завуалировать и тем самым «приблизить» текст к читателю, что характерно для стратегии доместикации, и не в том, чтобы приблизить читателя к культуре языка оригинала, что характерно для стратегии форенизации. В случае с постколониальной литературой культурная идентичность автора и рассказчика не тождественна культурной идентичности англоязычного читателя, на языке которого написан оригинал, и эту установку необходимо сохранить. В связи с вышесказанным нельзя согласиться с утверждением некоторых исследователей (Куралева, Павленко, Вьюнова: 2020) о том, что в условиях межъязыковой асимметрии, когда в языке перевода отсутствуют прямые аналоги синтаксических структур или лексических единиц исходного, наиболее продуктивной оказывается стратегия экспликации, направленная на развернутое описание предметной ситуации [\[23\]](#). Роль переводчика в данном случае состоит в том, чтобы осознать и обозначить существующий культурный разрыв, который

лежит в основе главного конфликта художественного произведения.

Первой проблемой, с которой сталкивается переводчик, становится собственно распознавание в тексте тех языковых средств, которые этот конфликт репрезентируют. Рассмотрим пример, где имеется подобная ошибка:

The sole decoration in the living room was, as it had always been, the Glaxo powdered-milk calendar hanging on a nail. The overfed blue-eyed Caucasian baby had never grown up. The caption read "Glaxo Builds Bonny Babies." It was enough to make any breast-feeding mother feel guilty that she was starving her infant. As a child Hema had barely registered the Glaxo baby. Now the calendar drew her eye and her ire. What an insidious presence that brat had been in her life. An interloper with a false message. Hema took down the calendar, but the pale rectangle on the wall called attention to itself in a way the baby never had. No doubt once Hema left, another Glaxo baby would find its way back there (A. Verghese. Cutting for Stone) [\[21\]](#).

Единственным украшением гостиной был календарь с рекламой сухого молока «Глаксо». Сверх меры упитанный кавказский ребенок тарасил с него голубые глаза. Лозунг провозглашал: «Дети Глаксо пышут здоровьем». При взгляде на эту картинку любая кормящая мать должна была почувствовать угрызения совести: она-то, оказывается, держит своего младенца впроголодь. Девочкой Хема не обращала на ребенка Глаксо никакого внимания, сейчас календарь мозолил глаза и бесил. Хема сняла календарь со стены, но оставшийся светлый прямоугольник еще больше притягивал взгляды. Когда Хема уедет, другой ребенок Глаксо, несомненно, займет место прежнего («Рассечение Стоуна». Перевод С. Соколова) [\[22\]](#).

В данном случае можно наблюдать ошибку в распознавании средств репрезентации идентичности в тексте оригинала. Слово *Caucasian* представляет собой пример «ложных друзей переводчика», и его искаженное понимание приводит к значительным смысловым потерям. Логика поведения Хемы – представительницы индийской расы – для читателя не понятна: почему ее настолько раздражает кавказский ребенок с голубыми глазами, что она избавляется от календаря?

В оригинале слово *Caucasian* используется в значении 'белый', 'европеоидный', и ошибка переводчика приводит к утрате культурно-исторического контекста. По профессии Хема – врач, и она понимает, что рекламный продукт западных компаний-производителей молочных смесей не просто навязывает эталон здорового и благополучного ребенка как упитанного белого младенца, тем самым поддерживая расовые стереотипы и чувство неполноценности у кормящих грудью матерей. Проблема лежит глубже. С 1960-х годов для повышения продаж сухих смесей западные производители целенаправленно продвигали среди матерей и медицинского персонала в развивающихся странах Юго-Восточной Азии, Африки, Южной Америки идею, что сухое молоко гораздо полезнее и предпочтительнее грудного вскармливания. При этом инструкции к приготовлению смесей изначально печатались на английском языке, недоступном для большей части населения, которые нередко в принципе были неграмотны. Часто семьи старались сэкономить дорогой продукт и сильно разбавляли смесь, что приводило к недостаточному питанию младенцев, кроме того, во многих странах бедные семьи просто не имели доступа к чистой воде и стерильной посуде. Таким образом, рекламные компании «Глаксо», «Нестле» и других производителей в конечном итоге значительно повлияли на рост детской смертности в странах «третьего мира», что привело в конечном итоге к вмешательству ВОЗ. В 1981 году был принят Международный свод правил по сбыту заменителей грудного молока, который вводит

ограничения на рекламу данных продуктов. Хема, врач по профессии, прекрасно знает, какой огромный вред был нанесен западными корпорациями, и ее гнев и негодование направлены в первую очередь на них, а не на «кавказского младенца». При этом и автор, и героиня понимают, что сложившиеся в обществе расовые стереотипы уничтожить не так просто, и на месте сорванного календаря, несомненно, появится новый ребенок «Глаксо» как воплощение колониализма, пропаганды и манипулирования. Интересно, что переводчик, очевидно, ощущает нелогичность текста и опускает в переводе фрагмент: *What an insidious presence that brat had been in her life. An interloper with a false message.* («И это отродье постоянно и вероломно присутствовало в ее жизни. Этот незванный гость, создающий ложные ожидания» — Перевод мой). Таким образом, в переводе данного абзаца полностью пропадает колониальный подтекст и противопоставление «белого» Запада и «цветного» Востока, а неточная передача художественной детали и отношения к ней героини не позволяет в полной мере раскрыть характер и глубину персонажа.

Еще одна особенность романа, связанная с выражением этнокультурной идентичности, — это полифония или смешение языков. Интересен факт, что в Эфиопии используется 76 языков и около 200 диалектов. Перед переводчиком стоит задача воспроизвести языковую гибридность, отклонения от языковой нормы, характерные особенности устной речи, того или иного наречия. Среди персонажей романа появляются эфиопы, тигре, индусы, арабы, малайцы, малаяли, французы, итальянцы, армяне, греки, йеменцы, помимо английской и итальянской речи звучат слова и фразы на амхара, хинди, геэз, тигринья, гуджарати и других языках. Индийские мантры перемежаются латинскими молитвами и медицинской латынью, по радио и в барах звучат эфиопские песни и американский джаз. Всё это многоголосие, которое автор с любовью воспроизводит, не мешает людям друг друга понимать. Аддис-Абеба предстает своего рода Вавилонским столпотворением, в котором народы и языки смешались, но не разобшились. Рассмотрим следующий пример:

*Rosina's Amharic makes Almaz and Gebrew laugh because her guttural, throat-clearing syllables don't really exist in Amharic. It never dissuades her. Sometimes she breaks into Italian, particularly when she is being forceful, struggling to make a point. **Italinya** comes easily to her, and strangely its meaning is clear, even though no one else speaks it, such is the nature of that language. When she speaks to herself, or sings, it is in her Eritrean tongue— **Tigrinya**— and then her voice is unlocked, the words pouring out (A. Verghese. *Cutting for Stone*)* [\[21\]](#).

Алмаз и Гебре смеются над Розининым амхарским, над гортанными, харкающими звуками, которые она издает, но ей все равно. Порой она переходит на итальянский, особенно когда старается убедить собеседника, переспорить. **Италинья** дается ей легко, и, странное дело, ее все понимают, хотя никто на этом языке не говорит. Такова сама природа итальянского. Разговаривает сама с собой или поет она на своем эритрейском — **тигринья**, — и тогда речь ее течет плавно и свободно («Рассечение Стоуна». Перевод С. Соколова) [\[22\]](#).

В данном фрагменте помимо английских названий языков *Italian* и *Eritrean* автор вводит в текст иноязычные включения: слово *Italinya*, название итальянского языка на тигринья, а также слово *Tigrinya* – самоназвание одного из языков Эритреи. Переводчик последовательно воспроизводит эти включения в тексте перевода.

Во многих фрагментах романа рассказчик обращает внимание на акценты, особенности

произношения, разного рода искажения, как фонетические, так и графические. Некоторые из этих языковых особенностей также служат для рассказчика способом утверждения своей идентичности, принадлежности к эфиопскому народу:

*Call me unwanted, call my birth a disaster, call me the bastard child of a disgraced nun and a disappeared father, call me a cold-blooded killer who lies to the brother of the man I killed, but that loamy soil that nurtured Matron's roses was in my flesh. I said **Ethyo-pya**, like a native. Let those born in other lands speak of Eee-theee-op-eee-ya, as if it were a compound name like Sharm el Sheikh, or Dar es Salaam or Rio de Janeiro (A. Verghese. Cutting for Stone) [21].*

Назовите меня нежеланным ребенком, погубителем собственной матери, исчадием, порожденным падшей монахиней и сбежавшим отцом, хладнокровным убийцей, лгушим в глаза брату своей жертвы, но эта суглинистая земля, породившая матушкины розы, была у меня во плоти. Я говорил: **Эфёпя** — как абориген. Пусть чужестранцы тянут: Эээ-фии-опии-я, будто это составное имя вроде Шарм-аль-Шейх, или Дар-эс-Салям, или Рио-де-Жанейро («Рассечение Стоуна». Перевод С. Соколова) [22].

Как можно видеть, переводчик при помощи транскрипции воспроизводит графон – **Эфёпя**, но при этом не вполне удачным представляется использование сопровождающего его слова **абориген**. Согласно Большой российской энциклопедии, слово имеет два значения: «1) население какой-либо страны, местности в момент её открытия европейцами, потомки такого населения; 2) коренное население Австралии» (Аборигены / Соколовский С. В. // Большая российская энциклопедия: электрон. версия. – Москва, 2024. URL: <https://bigenc.ru/c/aborigeny-306076> (дата обращения: 02.12.2025). Данный термин, как отмечает энциклопедия, «содержит отчетливо распознаваемые коннотации идеологии колониализма», отражает восприятие коренных народов как первобытных и примитивных, чей образ жизни и культура значительно уступают культуре европейского натуралиста-путешественника. Соответственно, идеологически слово **абориген** противоречит как микроконтексту, так и общему посылу романа, в котором неоднократно подчеркивается, что Эфиопия – страна с необыкновенно богатой и древней культурой. В частности, подобные размышления можно видеть в следующем примере:

*Yes, she thought. This is my home now. My **Abyssinia**, which sounded to her so much more romantic than "**Ethiopia**." The country was in essence a mountain massif that rose from the three deserts of **Somaliland, Danakil, and Sudan**. Even now Hema felt a bit like a **David Livingstone** or an **Evelyn Waugh** exploring this ancient civilization, this stronghold of Christianity which, until **Mussolini's** invasion in '35, was **the only African nation never to be colonized**. Waugh, in his dispatches to the London Times and in his book, referred to His Majesty **Haile Selassie** the First as "**Highly Salacious**," seeing cowardice in the Emperor's leaving the country in the face of Mussolini's advance. Hema's reading of Waugh was that he couldn't accept the notion of African royalty. He couldn't accept that the bloodlines of Emperor Haile Selassie, extending back as they did to **the Queen of Sheba and King Solomon**, made **the Windsors or the Romanovs** look like **carpetbaggers**. She didn't think much of Waugh or his book (A. Verghese. Cutting for Stone) [21].*

«Да, — подумала она. — Теперь это мой дом. Моя **Абиссиния**». На ее вкус, звучало это название романтичнее, чем **Эфиопия**. Страна, в сущности, представляла собой горный массив, вознесшийся над тремя пустынями: **Сомали, Данакилом и Суданом**. Даже сейчас Хема чувствовала себя самым **Дэвидом Ливингстоном** или, на худой конец, кем-

то вроде **Ивлина Во**, — иными словами, настоящим исследователем этой древней цивилизации, оплота христианства, который до вторжения **Муссолини** в тридцать пятом никто не смог колонизировать. Ивлин Во в своих репортажах в «Лондон Таймс» и в книге осуждал его величество императора **Хайле Селассие** за бегство от Муссолини. У Хемы создалось впечатление, что Во не по душе древность африканского царствующего дома, ведущего свою родословную от **царицы Савской** и **царя Соломона**. По сравнению с ним **Виндзоры** или **Романовы** были просто выскочками («Рассечение Стоуна». Перевод С. Соколова) [22].

Данный фрагмент содержит разнообразные средства выражения этнокультурной идентичности и конфликта западной цивилизации и культуры Эфиопии, большинство из которых переводчику удается адекватно передать. Во-первых, интересно противопоставление названий *Эфиопия*, современного и официального, и исторического названия *Абиссиния*, которое навеивает романтические ассоциации, рисует образ древнего и таинственного государства. Ономастические реалии – названия пустынь – подчеркивают его географическую изолированность и уникальность его культуры. Историко-культурные реалии *царица Савская* и *царь Соломон* акцентируют древность императорского рода, которая еще более подчеркнута сравнением с *Виндзорами* и *Романовыми*. Две последние реалии сопровождаются оценочной характеристикой *carpetbaggers*, еще одной реалией, которая отсылает к карикатурному образу янки – дельцов, которые с целью легкой наживы отправлялись в южные штаты после победы Севера в Гражданской войне. При этом негативная оценочность и презрительное отношение вполне передаются словом *выскачка*, но культурно-исторические ассоциации о невежестве, презрении к истории и стремлении к легкому заработку в переводе утрачиваются. Интересно, что переводчик находит нужным дать комментарий к имени Дэвида Ливингстона («Дэвид Ливингстон (1813–1873) — шотландский миссионер, выдающийся исследователь Африки»), но не к именам Ивлина Во или Муссолини. Среди утрат, которые наблюдаются в переводе, можно назвать опущение факта о том, что Эфиопия – единственная страна Африки, которую за всю историю никто не мог колонизировать вплоть до 1935 года, а также опущение каламбура *Highly Salacious* (*salacious* – ‘распутный, непристойный’), построенного на созвучии с именем императора *Haile Selassie* (на самом деле, это имя имеет христианские коннотации и значит ‘сила Троицы’). Героиня интерпретирует этот уничижительный и насмешливый каламбур Ивлина Во, представителя британской культуры, как проявление снисходительного и высокомерного отношения Европы к цивилизации, которая намного ее древнее.

Многие иноязычные включения, как в оригинале, так и в переводе остаются без поясняющего комментария, к примеру:

*Farther down were the graves of young Italian soldiers: **NATO à ROMA or NATO à NAPOLI**, but no matter where they were born they were **DECEDUTO AD ADDIS ABABA** Matron's vision turned misty as she thought of them having died so very far from home (A. Verghese. Cutting for Stone) [21].*

Далее находились могилы молодых итальянских солдат. **Nato a Roma** или **Nato a Napoli**, но независимо от места рождения все они были **Deceduto ad Addis Ababa**. На глаза у матушки навернулись слезы, стоило ей представить, как далеко от дома они погибли («Рассечение Стоуна». Перевод С. Соколова) [22].

В данном фрагменте героиня читает надписи на могилах, и мы словно слышим звучание итальянских слов, переживая опыт столкновения с чужой культурой и трагическими

страницами истории. Как для англоязычного, как и для русскоязычного читателя эти слова звучат экзотично и чуждо, однако их значение легко угадывается из контекста. Таким образом, иноязычные включения не только передают смысл, но и работают как звуковые и визуальные образы, которые усиливают ощущение грусти и несправедливости гибели в чужой стране, вдали от родины.

В следующем фрагменте мы наблюдаем пример графического искажения – на надгробии христианской монахини местный камнерез выбил коптский крест (символ, который происходит из Древнего Египта), а также английские буквы вперемежку с похожими на них греческими буквами. Вся эта ситуация производит трагикомическое впечатление.

SIX WEEKS AFTER Sister Mary Joseph Praise's death, the gravestone arrived, hauled up by donkey cart. Hema and Ghosh went to see it levered into place. The mason had carved a Coptic cross on the stone. Below it he had etched letters he copied from the paper Matron had given him:

ΣΙΣΤΕΡ ΜΑΡΨ ΙΟ ΣΕΠΗ ΠΡΑΙΣΕ

BORN 1928, ΔΙΕΔ 1954

ΣΑΦΕ ΙΝ ΑΡΜΣ ΟΥ ΙΕΣΥΣ

Matron arrived, short of breath and agitated. The three of them stood there, studying the strange lettering. The mason looked on, hoping for a commendation. Matron let out a sigh of exasperation. "I don't suppose he can do much about that now," Matron said, and gave the man a nod (A. Verghese. Cutting for Stone) [\[21\]](#).

Через шесть недель после кончины сестры Мэри на повозке, запряженной ослом, прибыло надгробие. Хема и Гхош пришли посмотреть, как его будут устанавливать. Каменотес высек на памятнике коптский крест, а под ним буквы, скопировав их с бумажки, которую ему дала матушка.

ΣΙΣΤΕΡ ΜΑΡΨ ΙΟ ΣΕΠΗ ΠΡΑΙΣΕ

BORN 1928, ΔΙΕΔ 1954

ΣΑΦΕ ΙΝ ΑΡΜΣ ΟΥ ΙΕΣΥΣ

Тяжело дыша, прибыла матушка. Втроем они молча глядели на странные буквы. Камнерез скромно стоял в сторонке, ожидая похвалы. Матушка сердито вздохнула: — Пожалуй, с этим уже ничего не поделаешь («Рассечение Стоуна». Перевод С. Соколова) [\[22\]](#).

Как мы видим, переводчик оставляет надпись в том виде, в каком она дается в оригинале. Для англоязычного читателя распознать смысл надписи довольно легко, потому что изначально она написана на английском, и он может мысленно произвести обратную замену букв. Однако для русскоязычного читателя надпись представляет собой набор непонятных символов (за исключением дат). Вероятно, он может лишь приблизительно представить суть происходящего, а юмор и драматизм данного эпизода для него теряются. Соответственно, перевод данного фрагмента считать удачным нельзя.

Еще одно интересное отклонение от языковой нормы, так называемый эрратив, который выполняет в тексте стилистическую функцию и способствует смысловому приращению текста, можно обнаружить в следующем фрагменте:

*Missing was really **Mission Hospital**, a word that on the Ethiopian tongue came out with a hiss so it sounded like "Missing". A clerk in the Ministry of Health who was a fresh high-school graduate had typed out **THE MISSING HOSPITAL** on the license, a phonetically correct spelling as far as he was concerned. A reporter for the Ethiopian Herald perpetuated this misspelling. When Matron Hirst had approached the clerk in the ministry to correct this, he pulled out his original typescript. "See for yourself, madam. Quod erat demonstrandum it is Missing," he said, as if he had proved Pythagoras's theorem, the sun's central position in the solar system, the roundness of the earth, and Missing's precise location at its imagined corner. And so Missing it was (A. Verghese. *Cutting for Stone*) [\[21\]](#).*

Большая часть действия книги сосредоточена вокруг госпиталя, которым управляет христианская монахиня родом из Йоркшира и в котором вместе работают врачи-индийцы, хирург-англичанин, местные жители. Название госпиталя – *Missing* – представляет собой чрезвычайно интересный литературный прием. С одной стороны, это графон, реалистично изображающий особенности местного акцента и объективно существующий между персонажами языковой барьер. С другой стороны, случайная ошибка клерка добавляет названию символическое значение: *Mission* ('миссия') превращается в *Missing* ('потерянный, пропавший, отсутствующий'), что перекликается с самоощущением многих персонажей – экспатов, беженцев, миссионеров – как людей, оторванных от родины. Также данное название вносит новые смысловые оттенки в концептуальное содержание произведения: оно актуализирует в романе тему экзистенциальной потери – утраченной семьи, разбитых надежд, неопределенного будущего. Автор также сатирически изображает местную бюрократию, когда официальный документ имеет большее значение, чем объективная реальность, а случайная ошибка возводится чиновником в ранг незыблемой научной истины, что подчеркивает латинская цитата и сравнение с теоремой Пифагора и знанием о том, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца. К сожалению, в переводе создать эквивалент данного графона, который бы передавал и особенности иностранного произношения, и смысловую неоднозначность, не удалось, и в результате данный абзац в тексте полностью опущен. Как видно из данного примера, подобные средства выражения культурной идентичности представляют особую сложность для перевода.

Огромное значение для выражения этнокультурной идентичности в романе играют реалии. В следующем фрагменте текста можно проследить, как реалии используются для раскрытия имплицитного глубинного конфликта между рассказчиком, Марионом, выросшим в Эфиопии, и его отцом Томасом Стоуном, британским хирургом, прожившим там семь лет и покинувшим страну после рождения детей и смерти их матери. Встреча происходит в Америке, в амхарском ресторане, куда отец приглашает Мариона, Тот соглашается в надежде, что воспоминания об Эфиопии их сблизят и позволят лучше понять друг друга. Наблюдая за отцом, сын с горечью понимает, что, в сущности, у них нет ничего общего, его отец никогда не стремился хотя бы поверхностно познакомиться с обычаями Эфиопии и не испытывает по отношению к ней совершенно никакой теплоты или ностальгии. При этом его сыну, оказавшемуся вдали от родины, этот язык и эти обычаи дороги и позволяют хотя бы временно почувствовать себя, как дома. В конечном итоге он понимает, что с официанткой-амхаркой, с которой он только что познакомился, у него гораздо больше общего, чем с отцом, несмотря на общность профессии (оба они врачи).

*The waitress, a short, bright-eyed **Amhara**, brought us menus. Her name was Anna. She almost dropped her pencil when I said in **Amharic** that I'd brought my own knife and I was so hungry that if she pointed me to where the cow was tethered, I'd get started. When she*

brought our food out on a circular tray, Thomas Stone looked surprised, as if he'd forgotten that **we would eat with our fingers off a common plate**. To his dismay, Anna (who hailed from the neighborhood of **Kebena** in Addis, not that far away from Missing) gave me **gursha**—she tore off a piece of **injera**, dipped it in **curry**, and **fed me with her fingers**. Thomas Stone hastily rose and asked for the restroom, lest she turn to him. "**Blessed St. Gabriel**," Anna said, watching him leave. "I scared your friend with our **habesha** customs."

"He should know. He lived in Addis for seven years." "No! Really?"

"Please don't take offense."

"It's nothing," she said, smiling. "I know that type of **ferengi**. Spend years there, but **they look through us**. But don't worry. You make up for it, and you're better looking."

I could have taken up for him. I could have said he was my father. I smiled. I'm sure I blushed. I said nothing. When Thomas Stone returned, he made a halfhearted effort to eat. Inevitably, one of the songs that cycled through the ceiling speakers was "**Tizita**." I studied his face to see if it meant anything to him. It didn't.

The mark of a native is that your fingers are never stained by the curry; you use the injera as your tongs, as a barrier, while you pick up a piece of chicken or beef sopped in the sauce. Thomas Stone's nails were red (A. Verghese. Cutting for Stone) [\[21\]](#).

Официантка, невысокая ясноглазая **амхарка**, подала нам меню. Звали ее Анна. Она чуть не выронила карандаш, когда я сказал **по-амхарски**: — Я захватил с собой нож и ужасно голоден, покажите мне только, где привязана корова, и я приступлю к делу.

Когда она принесла на круглом подносе наш заказ, лицо у Стоуна сделалось удивленное, будто он забыл, что **есть полагается руками и из общей тарелки**. А когда Анна (она родилась в Аддис-Абебе, не так далеко от Миссии) принялась из своих рук потчевать меня **гуршей**, отламывая от **инжеры** кусочки и погружая в **карри**, Стоун поспешно поднялся и удалился в туалет, пока она не взялась за него.

— **Будь благословен святой Гавриил**, — вздохнула Анна, глядя ему вслед. — Я напугала вашего друга **нашими обычаями**.

— Ему полагалось бы знать. Он семь лет прожил в Аддис-Абебе.

— Да ну! Неужели?

— Прошу вас, не обижайтесь.

— Ничего страшного, — улыбнулась она. — Я знаю этот тип **фаранги**. **Смотрят сквозь тебя**. Не волнуйтесь. Зато есть вы. Вы куда симпатичнее.

Я мог бы вступить за него, сказать, что он мой отец. Но я покраснел, улыбнулся и промолчал. Вернувшись, Томас Стоун нерешительно взялся за еду. Из динамиков на потолке, конечно же, понеслась «**Тицита**». Я не отрывал глаз от его лица, стараясь понять, что для него значит эта мелодия. По-моему, ничего.

Пальцы настоящего эфиопа никогда не измазаны соусом, он пользуется инжерой вместо щипцов, чтобы взять из карри кусочки курицы или мяса. Кончики пальцев Томаса Стоуна скоро стали красными («Рассечение Стоуна». Перевод С. Соколова) [\[22\]](#).

Интересно, что рассказчик описывает свое поведение, поведение отца и официантки без

подробных комментариев относительно сути обычаев и детального пояснения амхарских слов, называющих незнакомые для читателя реалии. Переводчик достаточно последовательно использует для передачи реалий транскрипцию (*gursha* — *гурша*, *injera* — *инжера*), иногда в сочетании с грамматической адаптацией (*Amhara* — *амхарка*), а также калькирование (*Blessed St. Gabriel* — «Будь благословен Святой Гавриил»), опущение (*Kebena*) или опущение в сочетании с генерализацией (*habesha customs* — «нашими обычаями»). Бытовые реалии переданы описательно: *we would eat with our fingers off a common plate* — «есть полагается руками и из общей тарелки», *the mark of a native is that fingers are never stained by the curry* — «пальцы настоящего эфиопа никогда не измазаны соусом», *use the injera as your tongs* — «пользуется инжерой вместо щипцов». Переводческий комментарий в данном фрагменте текста не используется, в результате чего русскоязычный читатель перевода, как и англоязычный читатель, не знакомый с культурой *habesha*, догадывается о значении тех или иных реалий из контекста.

К примеру, слово *gursha* обозначает не конкретное национальное блюдо, как можно было бы подумать, а обычай своими руками положить гостю в рот кусочек самой вкусной еды, зачерпнутый инжерой, в знак уважения, любви, заботы и взаимного доверия. Вежливым ответом будет принять угощение и улыбнуться, отказ воспринимается как прямое неуважение и грубость. Британец Томас Стоун, который сначала просто удивился отсутствию отдельных тарелок и столовых приборов, на действие официантки реагирует очень нервно, буквально спасаясь из-за стола бегством. Он явно воспринимает подобную близость и тактильность как нарушение границ.

Обычай угощения *gursha* является частью более широкого понятия *habesha*. Данная реалья в переводе опущена, хотя ее значение чрезвычайно велико — собственно говоря, как раз это слово и определяет этнокультурную идентичность рассказчика. *Habesha* — название, объединяющее людей, проживающих в горных районах Эфиопии и Эритреи, которое охватывает народы с общим историческим, языковым, культурным и религиозным наследием — амхара, тиграи, тигринья, гураге. Слово *habesha* восходит к арабскому слову *al-Habesha*, которое значит 'смешанные' или 'сбравшиеся вместе'. Данная пан-этническая общность имеет свою культуру и свои традиции гостеприимства. Для рассказчика принадлежность к *habesha* является важной частью его жизни, наследия, восприятия себя как личности. Национальная кухня, музыка, обычаи *habesha* четко противопоставлены культурному коду и этикету западного общества. Соответственно, опущение реалии (доместицирующий способ перевода) в данном случае приводит к смысловым потерям. Противопоставленное *habesha* слово *ferengi* (от перс. 'франк', 'европеец'), которое использует Анна, в данном контексте не просто нейтрально называет иностранца, оно приобретает негативный оттенок осуждения и критики: *ferengi* — чужак, который прожил несколько лет в другой стране, но ничего не знает о местной культуре, не воспринимает местных жителей как равных и относится к ним, как к людям второго сорта ("*they look through us*" — «смотрят сквозь тебя»). Такая художественная деталь, как окрасившиеся в красный кончики пальцев, явно маркирует Томаса Стоуна как чужака.

Еще одной проверкой становится реакция Томаса Стоуна на песню «Tizita» (ономастическая реалья, на амхарском данное слово означает 'память', 'ностальгия', 'тоска'). Песня эта в романе упоминается неоднократно и постепенно приобретает символическое значение: «Этому слову в английском нет прямого соответствия, оно означает воспоминание, окрашенное сожалением. Будто бывают другие воспоминания» («Рассечение Стоуна». Перевод С. Соколова) [\[22\]](#). Томас Стоун, очевидно, о своей жизни

в Эфиопии предпочел забыть. Между героями словно пролегает незримая черта – Марион осознает, что они с отцом – чужие друг другу люди и что расстояние между ними непреодолимо.

Заключение

Рассмотрев средства выражения этнокультурной идентичности в романе А. Вергезе «Рассечение Стоуна» и его переводе, подведем итог проведенному анализу и перечислим проблемы, связанные с передачей средств репрезентации идентичности и рекомендуемым переводческим стратегиям их преодоления.

1. Сглаживание различий между лингвокультурами перевода и оригинала может нарушать содержательно-коммуникативную равноценность перевода тексту оригинала, если в центре проблематики произведения лежит культурный конфликт, который является ингерентной чертой постколониального романа.

2. Перевод средств выражения этнокультурной идентичности в художественном тексте должен соответствовать выбранной переводчиком стратегии, принимать во внимание потенциального читателя оригинала и перевода, соответствовать переводческой этике и не допускать чрезмерного вмешательства в авторский текст.

3. Переводчику следует в максимальной степени сохранять элементы чужой культуры, экзотизмы, реалии, которые создают местный колорит и отражают особенности быта и сознания народа. Предпочтительным способом их передачи будет транскрипция/транслитерация или калькирование, которые сопровождаются описательным переводом при первом появлении в тексте.

4. Реалии в постколониальном художественном тексте имеют связь с традициями, верованиями, ценностями и идеалами народа, кроме того, в «промежуточном» пространстве, где оказываются герои, они приобретают сверхценность как воплощения культурной памяти, маркеры индивидуальной и коллективной идентичности. Нередко реалии приобретают метафорическое и символическое значение, соответственно, при их передаче следует учитывать не только микро-, но и макроконтекст.

5. С осторожностью следует использовать примечания, так как они представляют собой вторжение в авторский текст, разрушают вовлеченность в повествование и отдаляют читателя от оригинального текста.

6. В переводе следует сохранять иноязычные включения, графоны, эрративы, намеренные нарушения языковой и речевой нормы и иные проявления языковой гибридности, служащие для «присвоения» языка и выступающие средством самоидентификации в художественном тексте.

Библиография

1. Bhabha H. The Location of Culture. London: Routledge, 1994. DOI: 10.4324/9780203820551
2. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Contemporary Postcolonial Theory: A Reader / Ed. by P. Mongia. London: Arnold, 1996. Pp. 110-121. DOI: 10.4324/9781003135593
3. Gilroy P. The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993.
4. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006.
5. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-

- Colonial Literatures. 2nd ed. London: Routledge, 2002. DOI: 10.4324/9780203426081
6. Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. Москва: Наследие, 2000.
7. Щербак Н. Ф. Постколониальная литература: истоки, теории и проблемы (новая идентичность героя и автора постколоний) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16, № 4. С. 515-527. DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-4-515-527. EDN: OLVPGA.
8. Камалова С. Д. Постколониальный ответ в художественной литературе: предпосылки возникновения и языковые особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, вып. 2. С. 289-295. DOI: 10.30853/phil20240097. EDN: IFCSEZ.
9. Чемякин Е. Ю. Концепция "внедомности" в постколониальной теории // Диалог со временем. 2022. № 81. С. 35-48. DOI: 10.21267/AQUILO.2022.81.81.003. EDN: XRAKSP.
10. Веселова И.Ю. Постколониальная теория и ее влияние на современные историко-антропологические исследования Латинской Америки // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 4. С. 61-69. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.4.36489 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36489
11. Тлостанова М.В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизма // Человек и культура. 2012. № 1. С. 1-64. DOI: 10.7256/2306-1618.2012.1.141 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=141
12. Чемякин Е. Ю. Концепция культурной идентичности в постколониальной литературе // Studia Culturae. 2021. Вып. 3 (45). С. 192-207.
13. Tymoczko M. Post-colonial writing and literary translation // Postcolonial translation: Theory and practice / Ed. by S. Bassnett, H. Trivedi. London: Routledge, 1999. Pp. 19-40. DOI: 10.4324/9780203068878
14. Басснетт С. Истоки и развитие переводоведения в 1975–2016 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 31-44. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.403. EDN: YLZDQP.
15. Translation, History and Culture / Ed. by S. Bassnett, A. Lefevere. London: Pinter Publishers, 1990.
16. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. London: Routledge, 2016. DOI: 10.4324/9781315458496
17. Toury G. A Rationale for Descriptive Translation Studies // The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation / Ed. by T. Hermans. London: Croom Helm, 1985. Pp. 16-41.
18. Even-Zohar I. The Position of Translated Literature in the Literary Polysystem // The Translation Studies Reader / Ed. by L. Venuti. London; New York: Routledge, 2000. Pp. 192-197.
19. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. New York: Routledge, 1995. DOI: 10.4324/9780203360064
20. Gentzler E. Translation and Identity in the Americas: New Directions in Translation Theory. London; New York: Routledge, 2008. DOI:10.7202/1036959ar
21. Verghese A. Cutting for Stone: [Электронный ресурс]. URL: Cutting for Stone-Kindle edition by Verghese, Abraham. Literature & Fiction Kindle eBooks @ Amazon.com. (дата обращения: 02.12.2025).
22. Вергезе А. Рассечение Стоуна: электрон. изд. // Литрес: Библиотека. URL: <https://www.litres.ru/book/abraham-vergeze/rassechenie-stouna-19038244/chitat-onlayn/> (дата обращения: 02.12.2025).
23. Куралева Т. В., Павленко Е. А., Вьюнова Е. К. Переводческие стратегии в условиях отсутствия языкового эквивалента // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 252-254. DOI: 10.26140/bgj3-2020-0901-0058. EDN: KBEJSP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье исследуется проблема передачи этнокультурной идентичности при переводе постколониального романа. Актуальность работы не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется малоизученностью данной проблемы и необходимостью ее более глубокого осмысления. Отмечается, что «исследование жанрово-стилистического своеобразия постколониального романа и выработка адекватных стратегий его перевода представляются особенно актуальными для современной теории и практики перевода». Материалом исследования послужил роман Абрахама Вергезе «Рассечение Стоуна» (Verghese, A. Cutting for stone, 2009) и его перевод на русский язык, выполненный С. Соколовым.

Теоретической основой настоящего исследования целесообразно выступили научные работы, посвященные вопросам переводоведения и переводческим стратегиям в условиях отсутствия языкового эквивалента; постколониальной литературе; концепции культурной идентичности в постколониальной литературе и др. Библиография статьи включает 23 источника, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям, соответствует специфике изучаемого предмета и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями. Положительным моментом данной статьи является апелляция к оппонентам («в связи с вышесказанным нельзя согласиться с утверждением некоторых исследователей (Куралева, Павленко, Вьюнова: 2020) о том, что в условиях межъязыковой асимметрии, когда в языке перевода отсутствуют прямые аналоги синтаксических структур или лексических единиц исходного, наиболее продуктивной оказывается стратегия экспликации, направленная на развернутое описание предметной ситуации»).

В основе методологии исследования лежит комплексный подход, включающий семантический, контекстуальный, сопоставительно-стилистический и собственно переводческий методы, социокультурный и лингвокультурологический анализы герменевтический и описательно-аналитический методы, а также когнитивный и дискурсивный анализы.

В ходе исследования достигнута цель работы («выявление и систематизация проблем, связанных с передачей средств репрезентации этнокультурной идентичности в русскоязычном переводе романа А. Вергезе «Рассечение Стоуна») и решены поставленные задачи: рассмотрена концепция идентичности в рамках постколониальной теории; выявлены специфические черты постколониальной литературы, релевантные для предпереводческого анализа текста. В результате сравнительно-сопоставительного анализа текста романа А. Вергезе «Рассечение Стоуна» и его перевода выявлены проблемы, связанные с передачей средств репрезентации идентичности, определены необходимые переводческие стратегии; установлены подходы к передаче культурного компонента содержания текста в современной теории перевода, которые обобщены в заключении.

Таким образом, автором(ами) проведен достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость и практическая ценность работы

неоспоримы и обусловлены ее вкладом в развитие современного переводоведения, передачи этнокультурной идентичности при переводе постколониальной литературы. Следует признать, что полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований в области перевода постколониального текста.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».